

И. А. Гончаров и газета «Голос»

П. С. Рейфман

Революционные демократы неоднократно высмеивали мелочность т. наз. либерального «обличительства». Типичным примером такого «обличительства» являлись материалы, печатавшиеся в разделе «Петербургская хроника» газеты А. А. Краевского «Голос», под рубрикой «Петербургские отметки» (иногда они просто назывались «Отметками»). В них как бы сосредоточились наиболее характерные особенности либерального «обличительства», доведенные до карикатуры.

Хотя «Отметки» не занимали в «Голосе» много места, они, в значительной степени, определяли лицо газеты, стали символом ее крохоборческой критики. Слово «отметчик» приобрело в 1860-х гг. нарицательный смысл, обозначая хроникера, снабжающего «Голос» материалами, сующего всюду свой нос, но обращающего внимание лишь на незначительные неполадки. Где-то на втором плане подразумевалось, что «отметчик», следя за происходящим, может использовать свои наблюдения не только для газетной хроники, но и для информации иного рода.

Передко при чтении «Отметок» «Голоса» возникает впечатление, что речь идет о пародии на либеральную обличительную литературу. Но «отметчики» вовсе не шутили. С полной серьезностью повествовали они о том, как стыдно получать прибыль от продажи розог в настоящее время прогресса и благотельной гласности (1864, № 97), о ложбине на Невском проспекте, мешающей переходить улицу (1864, №№ 15, 33, 45, 54), о неудобстве водостоков со снятыми решетками (1864, № 87), о важности устройства общественных уборных (1863, № 301).

Тем не менее элемент пародии в «Петербургских отметках» «Голоса» все же имелся. Он был связан с сотрудничеством в газете Краевского И. А. Гончарова. Свидетельством этого сотрудничества являются письма Гончарова редактору «Голоса»¹. А. А. Мазон поместил в «Русской старине» публикацию по этим письмам². А. Д. Алексеев в «Библиографии» И. А. Гончарова³, основываясь на публикации Мазона, относит к наследию Гончарова «Петербургские отметки №№ 50, 124 за 1864 г. и №№ 1, 70 за 1865 г. Но, видимо, участие Гончарова в «Отметках» названными статьями не ограничилось. Ему почти наверняка принадлежит статья о собаках «Одно из неудобств уличной жизни», напечатанная за подписью И. А. в № 276 (1863) и непосредственно примыкающая к «Отметкам». Не исключено, что Гончаров — автор заметки о пользе общественных уборных в № 301 (1863). Возможно, он послал Краевскому и некоторые другие «Отметки».

¹ Рукоп. отд. ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 391 (А. А. Краевского), И. А. Гончаров. В дальнейшем: ф. 391.

² А. А. Мазон, Материалы для биографии и характеристики И. А. Гончарова, «Русская старина», 1912, № 3, В дальнейшем: Мазон.

³ Л., 1968.

А. А. Мазон, говоря о сотрудничестве Гончарова в «Голосе», комментирует этот факт следующим образом: «Литературные достоинства этих статей, по правде сказать, весьма незначительны и, в большинстве случаев, даже совсем ничтожны. Поэтому считаем лишним приводить их все целиком или хотя бы длинные цитаты из них»⁴. Мазон полагает, что Гончаров в «Отметках» предстает типичным бюргером, с упорным безразличием ко всему, что «выходит из круга его мелких интересов»⁵. С такой характеристикой можно вполне согласиться, если иметь в виду ту маску автора писем, под которой выступает Гончаров. Но вряд ли можно утверждать, что принадлежащие Гончарову «Отметки» отражают подлинный облик самого писателя. Авторская ирония слышится довольно отчетливо и в «Отметках» и в письмах Гончарова Краевскому: «Посылаю Вам ещё импровизацию о собаках, вылившуюся у меня вчера при чтении фельетона «Голоса»: не найдете ли Вы возможным напечатать ее в числе Петерб. заметок завтра или послезавтра? А если не угодно, то бросьте под стол. Я ведь пишу не из славы, а из ревности к общему благу и потому еще, что боюсь собак (...) Это, полагаю, последнее мое мнение о собаках. Затем надюсь перейти к общественным нужникам, так как меня и некоторых моих сверстников (может быть, и Вас тоже) к старости моча одолевает и часто приходится всенародно, на улицах, обнаруживать человеческую немочь»⁶.

В аналогичном тоне выдержаны и другие письма. Так, 21 февраля 1864 г. Гончаров перечисляет многообразие тем своих заметок: «Извозчики, собаки, музыка, вот будут в следующем раз общественные нужники; наконец Шекспир! Это оттого такое разнообразие, что «ничто человеческое мне не чуждо»⁷. В письме 4 мая 1864 г. Гончаров сообщает Краевскому, что ему хотелось бы «похвалить одну помаду, которая препятствует мне быть таким седым, как Вы, и таким плешивым, как Водозовов (...) но этот подвиг я полагаю свершить, вернувшись из заграницы, где обдумаю его основательно»⁸. Вряд ли возможно принимать подобные рассуждения всерьез. Вернее всего, Гончаров умело пародирует мелочность обличений «Петербургских отметок». Появление пародии в том же издании, которое пародировалось, представляло собой особую пикантность, хотя и скрытую от читателей.

Видимо, насмешки Гончарова относились не только к общему направлению «Петербургских отметок», но и к конкретным материалам, помещенным под этой рубрикой. Гончаров сам сообщал, что его заметки «выливаются» при чтении фельетона «Голоса» (см. выше). Его статья в № 124 — непосредственный отклик на фельетон № 121. Возможно, что обещание Гончарова написать об нужниках — отзыв на «Отметку» № 301, так что последняя не принадлежит перу Гончарова, а лишь причина иронического упоминания о нужниках в письме Краевскому.

Не исключено, что гончаровские «Отметки» в какой-то степени ориентированы и на подчеркнуто-будничное изображение действительности, противопоставленное «приподнятым» описаниям. Такая ориентировка вообще характерна для творчества Гончарова. Во всяком случае, «Петербургские отметки», написанные Гончаровым, отнюдь не являются свидетельством погруженности писателя «в бытовые заботы», как предполагает Мазон⁹. Здесь почти несомненно использован определенный художественный прием, служащий выражению авторского замысла.

Трудно сказать, угадывал ли иронию сам Краевский. Во всяком случае, он делал вид, что принимает материал всерьез и охотно использовал его.

⁴ Мазон, стр. 550.

⁵ Там же.

⁶ Там же, стр. 555—556. Ф. 391, л. 28.

⁷ Мазон, стр. 558. Ф. 391, л. 30.

⁸ Мазон, стр. 561. Ф. 391, л. 32.

⁹ Мазон, «Русская старина», 1912, № 6, стр. 492.

Ниже печатается текст статьи № 276, примыкающий к заметкам, указанным Мазоном, и, по нашему мнению, написанной Гончаровым. В пользу такого предположения свидетельствует и сам текст статьи, почти буквально перекликающийся с известными заметками Гончарова о собаках, и упоминание в письмах Краевскому, что он посылает еще импровизацию о собаках, и псевдоним «И. А.», который мог означать инициалы писателя.

ОДНО ИЗ НЕУДОБСТВ УЛИЧНОЙ ЖИЗНИ (Письмо к редактору)

М. г. В вашей газете, 12 октября, высказано было несколько весьма дельных заметок о разных мелких неудобствах, так часто встречаемых публикою на наших улицах.

Прибавим к высказанным заметкам еще одну, капитальную, в справедливости которой может убедиться каждый житель Петербурга. Впрочем, вопрос о том, о чем мы хотим заявить, поднимался и в литературе, и в городской администрации, но он падал, никем энергически не поддерживаемый. По нашему мнению, однако, откладывать совсем в сторону этот вопрос не следует, тем более, что он откладывается не все только по равнодушию большинства, а отчасти и потому, что предмет его составляет мелкое неудобство, т. е. относительно других более насгоятельных потребностей — однакож, неудобство само по себе довольно неудобное.

Неудобство это — множество собак на улицах. Стоит выйти часов в десять утра на улицу, и увидишь, что собак почти столько же на ней, сколько и людей. По вечерам, особенно в некоторые месяцы, то же самое. Наконец, во всякое время дня собаки бегают по всем направлениям, по самым многоялюдным улицам, в тесной толпе прохожих, болтаются в ногах, перебегают дорогу, сидят кучами у ворот, на крыльцах — всюду. В «Голосе», если не ошибаемся, было заявлено, что дума опять озоботилась вопросом о намордниках. Остановимся на минуту на этом способе и посмотрим, действителен ли он, т. е. приложимо ли это средство на практике и поведет ли за собой уменьшение собак? Намордник, конечно, вернейшее средство к укрощению злых собак: но в силах ли и в средствах ли полиции уследить за всеми вольнопроживающими на улицах и дворах собаками, чтобы на каждой был надет намордник, когда под глазами у наших городских стражей, как справедливо упомянуто в вышеприведенной статье «Голоса», и люди на каждом шагу делают беспорядки, таскают тяжести по тротуарам, носят ведра с красками, раскидывают переносные лавочки на непоказанных местах, дерутся, ругаются и т. д.? А ведь большинство собак на улицах именно и составляют те в одиночку и кучами бегающие собаки, которые, повидимому, никому не принадлежат, пролетарии — собаки, но которые, по первому свисту какого-нибудь мальчишки, по лаю мимо бегущей собаки, слетаются с разных сторон и мгновенно образуют или побойще, или другое, более мирное, но отвратительное зрелище...

И вот оне, эти-то собаки, истинные виновницы неудобств, а иногда и серьезных опасностей, но во всяком случае разрушительницы общего спокойствия, и избегают намордника, как будто бы не имеющие хозяев, вольногуляющие. И намордник всею тяжестью своею падет на породистых, большею частью достаточным людям принадлежащих, собак, дрессированных, следующих послушно за своим хозяином — следовательно, безвредных, или же на миниатюрных болонок, стриксов и шарло, что, конечно, поведет за собой тысячи мелочных и неприятных столкновений между хозяевами и хозяйками таких собак и теми, кому будет поручено следить за исполнением предписания надевать намордники, как это уже и случается теперь в Летнем саду, куда стражи не пускают маленьких собак с хозяевами, а крупных, проскакивающих сквозь решетку, выгнать не могут.

Казалось бы, ближе к цели обратить строгое и упорное внимание на этих вольных собак, напоминающих не помнящих родства бродяг. В случае ответственности и хозяева отрекаются от владения своими собаками.

В самом деле, кто же хозяева этих собак? Для решения этого вопроса стоит опять-таки попристальнее взглянуть в движение на улицах — и загадка разрешится легко. Кому не случалось встречать на улицах бегущего мальчишку-лакея в булочную или из булочной; в лавочку или из лавочки, и около него и вместе с ним скачущего пса, иногда барского, а иногда и своего, или так взятого со двора, вовсе не породистого, грязного, гадкого? Сколько кухарок идет утром на рынок в сопровождении одной, иногда двух собак? То дворник, как патриарх, сидит у ворот, положив руки на головы двух псов; мужик с возом сена, провизин тянется на рынок — за ним тянется и собака; кучера, лакеи, повара — все это любит и держит собак. Это бы не беда, если бы лица эти постоянно могли держать их только около себя, но они этого или не хотят, или не могут делать, и дают собакам полную свободу отлучаться одним на улицу, во всякое время дня и ночи. Вот, большей частью, какие собаки бегают одне, собираются кучами, пугают или беспокоят лаем прохожих, а в глухих, малолюдных улицах и бросаются. Спросите, чьи — вам почти никогда не скажут, между прочим и потому, что оне — ничьи; и это правда, то есть у них нет хозяина: оне живут на дворе, в людской, в конюшнях; кто их принес, завел, достал, того уже и нет давно, скажут вам. Уменьшить число этих ничьих собак или и вовсе перевести их, как совершенно ненужных в городе — вот первое и главное устранение неудобства, а этого можно достигнуть положительным запрещением держать их на дворах и, в случае появления их там и на улицах без хозяина, забирать, а если потом окажется хозяин, то взыскивать с него или с дома, откуда выбежала собака одна, штраф. За эту первую мерю можно уже будет ввести в употребление и намордники. Но и первая мера, если ее настойчиво привести в исполнение, непременно поведет за собой уменьшение собак. Едва в прошлом году заговорили о пошлинах на собак, мы встречали немало людей простого звания, продававших своих собак, и, между прочим, одного мастерового, который сказал, что он не в состоянии платить пошлину и потому желает сбыть свою собаку.

В заключение скажем, что есть как будто откупленные места у собак, для их общих присутствий около рынков, например, на Царицыном луку, около сквера Михайловского дворца и т. д. Не так давно мы в конце Сергиевской улицы, у Фонтанки, видели стаю до шестнадцати собак: оне лаяли, грызлись, а прохожие бозливно переходили на другую сторону. Мы сказали об этом стражам у Летнего сада и спросили, отчего бы не разогнать? «Нельзя нам, мы в наряде», — отвечали оне. «Что это такое наряд?» — подумали мы, глядя издали, что они делают. Ничего: мирно беседуют и поюхивают табачок.

Встретили мы недавно также кучера и прачку, кативших тележку с бельем на реку, а около их на улице носились три собаки, как на охоте, бросаясь, с лаем, то к прохожим, то к лошадям. «Зачем это вы собак водите?» — спрашиваем мы, — «ведь полиция запрещает» (мы сказали наугад, не зная, запрещает ли полиция). Сначала и кучер и прачка сказали, что это не их собаки, а потом, когда одна собака, бросив охоту, пристала к ним, с некоторой гордостью объявили, что собака принадлежит их хозяину, генералу. Конечно, неправда: собака дворная, простая, грязная, которой погнушался бы не только его превосходительство, но и всякий коллежский регистратор. Очевидно, что собака живет только на генеральском дворе и никому собственно не принадлежит, или, пожалуй, принадлежит всякому, живущему в доме. С одним она сбегает на рынок, с прачкой на реку, с лакеем в аптеку, или увяжется бежать за экипажем барина.

В другой раз, когда с одного дровяного двора собака выскочила с лаем из ворот и испугала даму, шедший с ней мужчина обратился с сердитым вопросом к дровянику, чья собака; тот грубовато отвечал: графская. Мы полюбопытствовали спросить, какого графа, и узнали, что графу принадлежит место, занимаемое двором, а сам он живет в своем доме в другой

улице, давно находится за границей и, конечно, о существовании этой дрянной собаки не подозревает.

Наша прислуга, в простоте души, думает еще, что генерал и граф предписаний полиции слушаться не обязаны. Когда кончится это печальное заблуждение ... прислуги?

И. А.

«Голос», 1863, № 276, от 19 октября.